

И. А. Несмеянова

кандидат юридических наук,
доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

**АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ДОГОВОРНЫХ И ВНЕДОГОВОРНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РОССИИ, БЕЛАРУСИ
И КАЗАХСТАНА**

**Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00195**

Аннотация. Статья посвящена вопросам защиты интересов публичного порядка, интеграции законодательства стран Евразийского экономического союза. Установлено, что разграничение сверхимперативных и императивных норм возможно только на основе разделения сфер публичного порядка стран. Ключевое значение в таких условиях имеет надделение интеграционной организации полномочиями издавать юридически обязательные, в том числе нормативные правовые акты.

Ключевые слова: гражданское законодательство, норма непосредственного применения, публичный порядок, международный коммерческий арбитраж, договорные обязательства, внедоговорные обязательства

Введение. Рассматривая проблему интеграции законодательства России, Беларуси и Казахстана, целесообразно обозначить следующие направления анализа данного вопроса:

- наличие сверхимперативных норм в законодательстве названных стран;
- существенные/принципиальные различия или сходство норм, регулирующих сходные правоотношения;
- возможности унификации гражданского законодательства в сфере рассматриваемых правоотношений.

Основные нормативные акты для проведения сравнительного анализа: Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ), Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), Гражданский кодекс Республики Казахстан (далее – ГК Республики Казахстан).

Основная часть. Для решения поставленных задач существуют различные подходы. Учитывая, что охватываемые в данном случае страны являются членами Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), одну из существенных ролей могут иметь сверхимперативные нормы, так как именно они призваны решать большой круг спорных вопросов в условиях интеграции стран-участников.

В. Л. Толстых дает определение сверхнормативным нормам как особо важным нормам материального права, действующим независимо от компетентного правопорядка [1, с. 359]. Таким образом, сверхимперативные нормы (или нормы непосредственного применения) — это отдельный вид материально-правовых норм, подлежащих применению к отношениям с иностранным элементом, независимо от компетентного правопорядка.

При этом, как указывается в п. 46 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.), сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации может осуществляться запрет на совершение действий, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц, то есть противоречат публичному порядку страны. В то же время необходимо отметить, что единого подхода к определению порядка включения норм в категорию сверхимперативных не усматривается, что объясняется различиями в национальном законодательстве каждой страны.

В законодательстве России нормы подлежат отнесению к числу сверхимперативных вследствие указания «в самих императивных нормах» или если «ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права» (ст. 1192 ГК РФ).

В законодательстве Беларуси содержится правило, устанавливающее приоритет действия «императивных норм права Республики Беларусь, регулирующих соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права» (ст. 1100 ГК Республики Беларусь).

В Республике Казахстан отнесение норм к числу сверхимперативных осуществляется на основе единственного критерия — «особого значения нормы для обеспечения прав и интересов участников гражданского оборота» (ст. 1091 ГК Республики Казахстан).

Применение указанных норм судами и международными коммерческими арбитражами порождает неопределенную правоприменительную практику. Как замечает О. Ф. Засемкова, данные обстоятельства порождают сложности как для сторон трансграничных частноправовых отношений, так и для судов и международных коммерческих арбитражей, сталкивающихся с вопросами об определении таких норм, а также условиями их применения [2].

Несмотря на названные проблемы, значение сверхимперативных норм — в обеспечении единообразного толкования данного вида норм судами разных стран, что имеет огромное значение при интеграции в рамках ЕАЭС.

Сама идея приоритета «сверхимперативных» норм была использована в Гагской конвенции «О праве, применимом к договорам о представительстве и к договорам с посредниками» 1978 г.; Римской конвенции о праве, применимом к контрактным (договорным) обязательствам, 1980 г. и заменившем ее в так называемом Регламенте «Рим I» — Регламенте Европейского союза от 17 июня 2008 г. № 593/2008 о праве, применимом к договорным обязательствам, предусмотревшем применение императивных норм не только страны суда, но и третьей страны, и оказавшем существенное влияние на развитие концепции сверхимперативных норм во всем мире; в Регламенте «Рим II» — Регламенте Европейского союза от 11 июля 2007 г. № 864/2007 о праве, применимом к внедоговорным обязательствам, в Венской конвенции «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г., Гагской конвенции о праве, применимом к отношениям по доверительной собственности, и их признании 1985 г.; в Гагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 г., и других документах. Иные нормы, в которых закреплены определенные права участников гражданских правоотношений, в случаях, установленных в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16, могут быть признаны императивными, а отказы от этих прав ничтожными.

Если проанализировать нормы гражданского законодательства в сфере договорных и внедоговорных обязательств России, Беларуси и Казахстана, существенных различий в нормах, регулирующих данные правоотношения, на наш взгляд, не наблюдается.

Сравнивая их по формальному признаку, можно прийти к выводу, что гражданские кодексы данных стран созданы в одной временной период, в целом предметом регулирования являются сходные правоотношения, а различия видятся лишь в детализации.

Так, в Общей части обязательственного права ГК РФ в подразделе 2 «Общие положения о договоре» мы видим:

Глава 27. Понятие и условия договора (ст. 420–431).

Глава 28. Заключение договора (ст. 432–449).

Глава 29. Изменение и расторжение договора (ст. 450–453).

В ГК Республики Беларусь в разделе 2 «Общие положения о договоре» содержатся в:

Главе 27. Понятие и условия договора (ст. 390–401).

Главе 28. Заключение договора (ст. 402–419).

Главе 29. Изменение и расторжение договора (ст. 420–423).

ГК Республики Казахстан включает подраздел 2 «Общие положения о договоре» раздела 3 «Обязательственное право», который также состоит из трех глав:

Глава 22. Понятие и условия договора (ст. 378–392).

Глава 23. Заключение договора (ст. 393–400).

Глава 24. Изменение и расторжение договора (ст. 401–405).

Что касается внедоговорных обязательств, то рассмотрим их на примере обязательств из причинения вреда. Возможность применения сверхимперативных норм предусмотрена и применительно к трансграничным внедоговорным обязательствам. О. Ф. Засемкова указывает, что, например, ст. 9 Гаагской конвенции об ответственности изготовителя 1973 г. прямо предусматривает, что «применение ст. 4, 5 и 6 Конвенции не препятствует учету норм поведения и безопасности, действующих в государстве, в котором продукт был введен на рынок» [2].

Учитывая, что внедоговорные обязательства возникают между сторонами в результате тех или иных правовых действий одной из сторон договора, обязательства по возмещению нанесенного вреда носят многообъемный характер.

Так, в ГК РФ им посвящена глава 47. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда:

Параграф 1. Общие положения (ст. 917–935).

Параграф 2. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина (ст. 936–946).

Параграф 3. Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ, услуг (ст. 947–950).

Параграф 4. Возмещение морального вреда (ст. 951–952).

В ГК Республики Беларусь также имеется четыре раздела главы 58. Обязательства вследствие причинения вреда, посвященные указанным внедоговорным отношениям:

Параграф 1. Общие положения о возмещении вреда (ст. 933–952).

Параграф 2. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина (ст. 953–963).

Параграф 3. Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги (ст. 964–967).

Параграф 4. Компенсация морального вреда (ст. 968–970).

ГК Республики Казахстан регулирует вопрос возмещения вреда аналогичным образом:

Параграф 1. Общие положения (ст. 917–935).

Параграф 2. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина (ст. 936–946).

Параграф 3. Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ, услуг (ст. 947–950).

Параграф 4. Возмещение морального вреда (ст. 951–952).

Несмотря на стабильность правовой системы, многие авторы отмечают набирающие в последнее время динамику тенденции расширения пределов автономии воли сторон гражданских правоотношений.

Так, Т. Н. Нешатаева отмечает, что закон, избранный лицом, совершившим сделку, то есть определяющий право, применимое к сделке, в последние годы характеризуют: придание этому началу большей гибкости; закрепление правила о выборе сторонами договора применимого права в универсальных и региональных международных соглашениях; применение этой формулы как основной, ведущей в «связке» с коллизионными нормами, имеющими субсидиарное значение; ограничение автономии воли посредством «сверхимперативных норм» [3]. Таким же образом развивается взаимосвязь национальных судов с Судом ЕАЭС. Неоднократное применение судами одной и той же формулы свидетельствует, по мнению Т. Н. Нешатаевой, о сложившейся судеб-

ной практике — прецеденте Суда ЕАЭС [3]. Таким образом, судебная правовая позиция, сформулированная в виде четкого правила, может повторяться в судебных актах международного суда, впервые сформулировавшего такое правило, и в судебных актах национальных судов государств — членов ЕАЭС.

Тем самым «динамичное толкование» позволяет Суду ЕАЭС найти формулу, наиболее точно отвечающую особенностям рассмотрения споров с участием суверенных государств с целью установления единообразия правоприменения.

Применительно к решениям Суда ЕАЭС Верховный Суд РФ создал механизм связки наднационального и национального правосудия посредством п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства», закрепив, что толкование Судом ЕАЭС норм таможенного права для российских судов обязательно. Таким образом, в рамках судебной системы России единообразие достигается путем коллизионной отсылки к правовым позициям Суда ЕАЭС, являющегося наднациональным органом.

На практике проследить правовые позиции Суда ЕАЭС можно на примере рассмотрения дел ЗАО «Дженерал Фрейт», ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог», ТП «Руста-Брокер», ООО «Ремдизель» и др.

Можно также согласиться с Т. Н. Нешатаевой и сделать вывод о том, что Суд ЕАЭС, не ставя цель изменения норм права, становится инициатором такого процесса: его прецедентная правовая позиция, созданная в конкретном деле, действует как норма обычного права и со временем может стать правовой нормой в форме обычной или статутной нормы международного права.

В то же время нельзя не отметить позицию А. А. Шулакова, который подчеркивает, что термин «затрагивает», который мы наблюдаем в ст. 1192, 1210, 1223.1 ГК РФ, на самом деле следует понимать как ущерб (последствия), наносимый публичным интересам, обеспечиваемым сверхимперативными и императивными нормами публичного порядка страны, и позволяет говорить об условной границе, за рамки которой вторжение иностранного права не допускается [4]. Данная позиция нашла реализацию в Определении

Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 января 2018 г. по делу № 309-ЭС17-13269, А07-27391/2016, где подчеркивалось, что «окончателность судебного акта и сформированная им правовая определенность по спорному вопросу являются элементами общепризнанного принципа законности, как части национального публичного порядка».

Говоря о публичном порядке в контексте применения сверхимперативных норм, целесообразно уделить внимание некоторым проблемам.

Во-первых, проблеме иерархии норм. Как видим, законодателем используются в рассматриваемых нами вопросах: императивные нормы, сверхимперативные нормы, нормы непосредственного применения.

Согласно ст. 422 ГК РФ, к императивным нормам относятся нормы, закрепляющие публичные интересы, не относящиеся к конституционно значимым ценностям. В то время как термин «нормы непосредственного применения» подчеркивает правовую природу норм, которые применяются «непосредственно», то есть минуя коллизионные нормы и соглашение сторон о выборе применимого права (ст. 1192 ГК РФ). Вопрос о том, можно ли называть нормы непосредственного применения сверхимперативными, остается до настоящего времени дискуссионным.

Вторая проблема затрагивает вопрос применения сверхимперативных норм, который поднимает А. А. Шулаков, указывая, что отсутствует точный критерий, обосновывающий «необходимость применения сверхимперативных и императивных норм, защищающих от иностранного права различные сферы публичного порядка страны» [4]. Если в российском праве таким критерием является словосочетание, по которому иностранное право «не может затрагивать действие сверхимперативных и императивных норм» (п. 1 ст. 1192, п. 5 ст. 1210, п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ), то в регламентах ЕС иностранное право «не должно наносить ущерб применению» этих норм (п. 3 ст. 3 «Рим I»; п. 2 ст. 14 «Рим II»). Здесь можно поддержать позицию А. В. Асоскова, который резюмирует, говоря, что «в содержание понятия публичного порядка Российской Федерации входят также российские нормы непосредственного применения (сверхимперативные нормы), которые нельзя смешивать с обычными императив-

ными нормами российского права» [5]. А. А. Шулаков делает вывод о том, что, в отличие от установленного в законодательстве понятия «нормы непосредственного применения», принятый в отечественной доктрине термин «сверхимперативные нормы» соответствует правилам юридической техники, при этом приставка «сверх» указывает не только на иерархию, но и на систему норм в связке «сверхимперативные нормы — императивные нормы» [4]. Термин же «нормы непосредственного применения» такой системной иерархии не дает.

В этой связи представляется сомнительным наделять свойством сверхимперативности некоторые нормы российского законодательства, регулирующие взаимоотношения доверителя и поверенного, подрядчика и заказчика, перевозчика и грузоотправителя и содержащие безусловные предписания о ничтожности соглашения об отказе от права одностороннего расторжения договора, о праве контроля заказчика за ходом работ или о пределах ответственности перевозчика, на что указывает в своей работе А. А. Суслов [6].

В то же время очень четко сформулированы положения о недопустимости нарушения публичного порядка, в том числе и на примере конкретно рассматриваемого дела, в постановлении Девятого ААС от 10 апреля 2018 г.

№ 09АП-9815/2018, АС Московского округа от 27 июня 2018 г. по делу № А40-171207/2017; Определении ВС РФ от 29 октября 2018 г. № 305-ЭС18-16459, где говорится, что ст. 1193 ГК РФ запрещает применение норм иностранного права, последствия применения которых явно противоречили бы публичному порядку Российской Федерации. При этом под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. По мнению суда, к таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (ст. 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства. При этом общие начала применения иностранного права на территории Российской Федерации не предусматривают обя-

занность исполнения российскими юридическими лицами запретов (экспортных ограничений), введенных международными организациями или иностранными государствами против Российской Федерации, следовательно, исполнение российскими юридическими лицами на территории Российской Федерации ограничений и запретов (эмбарго), введенных международной организацией, членом которой Российская Федерация не является, напрямую противоречит основам правопорядка (публичного порядка) Российской Федерации.

Подводя итог, можно отметить, что, законодательство стран — членов ЕАЭС содержит как императивные, так и сверхимперативные нормы, и это обусловлено, как указывает Т. Н. Нешатаева, возникшими из судебной практики принципами правовой определенности, верховенства права, процессуальной экономии и др. [3]. В становлении характера этих норм главную роль играла настойчивость суда, повторяющего эти позиции в качестве приоритетных (верховных, принципиальных). В то же время сверхимперативный характер этих норм зависит не от судов, а от членов международного сообщества, в первую очередь суверенных государств.

Все это создает предпосылки возможности унификации гражданского законодательства в рамках ЕАЭС.

Эту же позицию подтвердил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», где прямо разрешает сторонам выбирать в качестве применимого права вненациональные источники, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями государств, такие как Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Европейские принципы договорного права, Модельные правила европейского частного права и др.

Заключение. Подводя итоги имевшейся правовой неопределенности по данному вопросу, А. В. Асосков делает вывод о том, что в значении ст. 1192 ГК РФ императивная норма может быть признана нормой непосредственного применения (сверхимперативной нормой) «лишь в том случае, когда она имеет своей основной целью защиту публичного интереса, связанного с основами построения экономической, политической или правовой системы государства» [7]. В результате те императивные нормы, которые защищают отдельно взятые

категории частных лиц (например, потребителей, миноритарных акционеров и т. п.), не должны квалифицироваться в таком качестве — для учета интересов таких лиц в международном частном праве есть другие особые правила.

Список использованных источников

1. Толстых, В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 690 с.

2. Засемкова, О. Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика [Электронный ресурс] / О. Ф. Засемкова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

3. Нешатаева, Т. Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву «Международное правосудие» [Электронный ресурс] / Т. Н. Нешатаева // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

4. Шулаков, А. А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм «Lex russica» [Электронный ресурс] / А. А. Шулаков // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

5. Асосков, А. В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] / А. В. Асосков // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

6. Суслов, А. А. Недопустимые отказы в гражданском праве России [Электронный ресурс] / А. А. Суслов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

7. Крашенинников, П. Правовые итоги — 2019 [Электронный ресурс] / П. Крашенинников, Л. Головкин, Р. Бевзенко [и др.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.

11.09.2020

I. A. Nesmeianova
candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Legal Regulation of Economic Operations
of the Law Faculty Financial University
under the Government of the Russian Federation

ANALYSIS OF CERTAIN PROVISIONS OF CIVIL LEGISLATION IN THE FIELD OF CONTRACTUAL AND NON-CONTRACTUAL OBLIGATIONS OF RUSSIA, BELARUS AND KAZAKHSTAN

Abstract. The article is devoted to the protection of the countries of the Eurasian economic Union, public policy interests, integration of legislation of the countries of the Eurasian economic Union. It is established that the distinction between super-mandatory and mandatory provisions is possible only based on separation of the spheres of public policy in the countries. Under such conditions, the empowerment of an integration organization with the authority to issue legally binding, including regulatory legal acts is of key importance.

Key words: civil legislation, overriding mandatory provision, public policy, international commercial arbitration, contractual obligation, non-contractual obligations.